

НОВАЯ УТОПИЯ

— Оглядываясь назад, — говорит Критик, — я удивляюсь тому, как прошла моя жизнь. Как будто судьба специально избрала меня для того, чтобы стать объективным исследователем реального советского коммунизма, его критиком и защитником, свидетелем и исследователем его гибели. Родившись в самой глуши России, я оказался в Москве на высотах современной науки и культуры, а затем — в столицах и центрах науки, культуры и социальной жизни западного мира. Я болел многими болезнями, от

которых обычно умирали другие, но даже не обращался к врачам. Меня должны были расстрелять в 1939 году, не раз должны были убить в войну 1941—1945 годов, должны были репрессировать в послевоенные годы. А я каким-то чудом уцелел. Я не раз опускался на самое дно общества, но как-то выкарабкивался. На моем пути возникали многочисленные соблазны, перед которыми не устоял никто из тех, с кем пересекался мой жизненный путь. А я как-то избежал их. И при всех перипетиях жизни Судьба выводила меня на дорогу, predeterminedную мне изначально, и неумолимо диктовала мне свою волю: иди, беги, ползи, карабкайся! Эта дорога — познание реального коммунизма. Но познание не просто в качестве академического научного сотрудника Судьбы, а в качестве живого и активного участника трагедии России и русского народа.

— Каким образом?

— Познание реального коммунизма в России означало познание, переживание и критику его отрицательных явлений. Эта критика невольно переходила в критику коммунизма вообще, а в конкретных условиях тех лет — в борьбу против него. Запад, который всегда был враждебен России и советскому коммунизму, сразу после Второй мировой войны развязал холодную войну против Советского Союза, начав «крестовый поход» против советского коммунизма. Я невольно оказался вовлеченным в этот поход.

— Как это произошло конкретно?

— Я совершил ошибку в оценке диссидентского движения и эмигрантской волны. Мои собственные умонастроения, моя идейная и психологическая направленность и система моего поведения были целиком и полностью порождены внутренними условиями советского общества как общества коммунистического и моей личной судьбой как русского человека из самых низов, которые несли на себе самый тяжелый груз советского периода. Я не знал, что диссидентство и эмигрантская волна были порождены Западом, поддерживались Западом, были западным орудием холодной войны. Я распространил на них то, чем объяснялось мое собственное состояние. К тому же я надеялся использовать их как средство высказать мое понимание коммунизма. Отчасти мне это удалось. Но в большей мере меня самого использовали как средство борьбы против коммунизма.

— Когда вы это поняли?

— Когда появился Горбачев на вершине советской власти. Тогда я понял, чем антикоммунистический «крестовый поход» угрожал России и русскому народу. Я понял, чем на самом деле был для меня советский (русский) коммунизм. И моя Судьба властно приказала мне стать защитником другой стороны коммунизма — позитивной, вернее — защитником истины о коммунизме с позитивной стороны, а также исследователем тех последствий, к каким вел крах советского коммунизма. И опять-таки не просто в качестве некоего безразличного наблюдателя и понимающего хода событий, а в качестве живого их участника и переживателя. Гибель российского коммунизма, неразрывно связанная с гибелью России и русского народа, стала моей личной трагедией. Моя судьба безжалостно распорядилась стать свидетелем, исследователем и переживателем русской трагедии до конца.

— Завершили вы свой путь?

— Нет. Гибель русского коммунизма заставляет посмотреть на него в том свете, какой бросают на него обстоятельства его гибели и ее последствия.

— Чем это отличается от вашего прошлого взгляда?

— Одно дело — описание реального коммунизма, когда он был в расцвете сил, был уверен в своей незыблемости, покорял мир, служил опорой сотням миллионов людей. Причем описание для тех, кто жил в нем и испытывал на себе все его недостатки и трудности. И другое дело — описание его в условиях, когда он рухнул, когда массы людей оказались вследствие этого в ужасающем положении, когда над человечеством нависла угроза западннистского тоталитаризма, когда буйствует всеобъемлющий антикоммунизм, когда на реальный коммунизм льются потоки лжи и клеветы. В этих условиях моя судьба диктует мне свою волю: стать защитником истины о реальном коммунизме. А при этом на первый план должно выйти то позитивное, что реальный коммунизм привносил в социальный прогресс человечества. Боюсь, что эту задачу я не успею решить.

— Что же будет?

— Люди, пережившие коммунистический период, вымрут. История будет сфальсифицирована. Новые поколения не будут знать правду о коммунизме. Научного понимания его не было, а то, что понимали одиночки, будет истреблено. Жить будет только ложная картина коммунизма как абсолютного зла. Усилия

миллионов людей пропадут бесследно. Вот какова перспектива коммунизма.

— Но что-то вошло в жизнь человечества от коммунизма. И останется навечно!

— Да. Но это все будет присвоено западнизмом. А коммунизму припишут все плохое, включая дефекты западнизма.

— Неужели не появятся умы, которые разберутся в том, что было.

— Для процесса жизни не играет роли истина о прошлом. Прошлое выдумывается применительно к интересам настоящего.

— Неужели труд всей вашей жизни пропадет впустую?!

— По всей вероятности, да. Но вы не огорчайтесь. Во-первых, я знаю, что я сделал. И одно это оправдывает все жертвы и потери моей жизни. Во-вторых, я заранее предвидел это.